

13 АВГ 1980

СМЕНА  
г. Ленинград

СМЕНА

● ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

# ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУДЬБУ

**Л**ЕНИНГРАДСКИЕ зрители еще только приглядывались к молодой актрисе Театра имени Ленсовета Ирине Мазуркевич, когда успех бесспорный и очевидный — роль Оли Солендовой в спектакле «Спешите делать добро» отделил сыгранное раньше от этой последней, совсем иного масштаба работы.

Недавно придя в театр, она успела запомниться по спектаклям «Эльдорадо», «Пятый десяток», «Интервью в Буэнос-Айресе», «Левша», по «Вишневому саду», где сыграла Аню. Но, пожалуй, в ее новой роли наиболее полно проявилась индивидуальность актрисы.

Надо сказать, что и пьеса М. Рощина, и сам спектакль, его духовная атмосфера помогли актрисе почти вглубь, создать характер подлинный, живой, неповторимый. В основе постановки И. Владимировой — размышление о человеческих отношениях, благополучных по форме, но утрачивших свое нравственное содержание. О разобщенности, неумении слышать и понимать тех, кто живет рядом, о том, как непросто дается умение любить ближнего своего.

В замысле Владимировой главная героиня — Оля, хотя драматургического материала ей отведено не больше, чем остальным. Через нее — пятинадцатилетнюю деревенскую девчонку — выражает театр свою этическую позицию. Расстановка героев — они и она — обозначена уже в прологе, условность которого выводит происходящее за рамки житейской истории.

Гремящий в пустоте комнаты телевизор стихает, и резким контрастом к бодрому маршу звучит тревожная, несущая в себе предчувствие беды музыка. Появляются участники событий, они стоят лицом к залу — на первом плане Мякишев, Зоя, Аня, Горелов, за ними соседи и три фантастические старухи, на «втором этаже», в своих кабинетах, «официальные лица» — Филаретова, Усачев. И последней из темной глубины коридора выбегает, низко склонив голову, Оля. Внезапно, как от удара, опускается на колени и застывает, сжавшись в комок, странно несовместимая обликом со всей обстановкой — своим ватником, выцветшим платком, грубыми мужскими ботинками, своим отчаянием.

Милиционер «оглашает» протокол, где канцелярским стилем изложена предыстория: пьяница мать, отчим, бесчеловечное обращение, изгнание из дома и попытка «покончить жизнь».

Вот и все, что было в Олиной жизни до того, как инженер Мякишев, оказавшись в тех краях по делам службы, привез ее с маленькой станции, из снегов, боли, унижения в праздничную весеннюю Москву, в свою семью. И пока длится чтение протокола, Оля так и не поднимет головы. Мы долго не видим ее лица, глаз. Первое впечатление возникает от пластичного рисунка — он предельно выразителен. Спрятаться, скрыться, вжаться в землю, отгородиться от этой жизни, никого не видеть и не слышать.

Но вот действие переключается в настоящее время — Оля уже в квартире Мякишевых. Отмытую, одетую в мужскую рубашку, ее выводят «к людям». Лицо скрыто завесой русых волос, руки, судорожно вцепившись в рубашку, пытаются натянуть ее на колени. И чем участливее окружающие, тем больше она деревенеет, тем ниже опускается ее голова. Она вздрагивает, как дикий зверек, когда кто-то протягивает руку, чтобы погладить ее. И вдруг, широко и некрасиво открыв рот, начинает реветь. Словно прорвало плотину страха, недоверия, и в этом безудержном плаче и отголосок прежней боли, и потрясение свалившимся на нее чудом. Она, наконец, поверила в реальность происходящего, в то, что возможно жить среди этих удивительных людей.

Точно обозначена внутренняя логика перехода к той Оле, которую мы видим в

следующей картине. От скотчанной, боящейся поднять глаза девочки не осталось следа. Выплескивая неизрасходованное детское озорство, она носится наперегонки с Сережей (сыном Мякишевых). Танцует, шутит, успевая по-хозяйски снарядить его в лагерь. «Обжилась», — скажет Аня, намекая на ее провинциальную хватку. Она действительно обжилась, но не в комфорте московской квартиры, а среди новых для нее человеческих отношений, где нет брани, злобы, унижений. Между тем в финале она уйдет из этого дома, от этих людей.

Нет, она не выносит приговора, не разоблачает, но ее взгляд, поначалу благоговейный, потом настороженный, тревожный и понимающий, обнаруживает неблагополучие, фальшь, которая определяет отношения в семье Мякишевых. Но как сделать явным для зрителя почти не осознаваемый ее героиней процесс переоценки? Драматург не дает Оле ни слова, ни реплики, в которых выразилось бы понимание происходящего. Единственный путь — сродниться со своей героиней, и Мазуркевич это удается — каждый поворот головы, каждая пауза, жест, взгляд, интонация служат точным выражением внутренней жизни. Не будь этого, мы бы увидели банальную историю о том, как «милиционерша» в юбке Филаретова и зловредные старухи-сплетницы помешали хорошим людям сделать добро, оскорбили подозрением чистую детскую душу.

Поначалу подлинностью привлекает сам облик героини — худенький, угловатый подросток. Русые волосы, зачесанные грешком, открывают детский выпуклый лоб, светло-

серые глаза, как два прозрачных озера, на светлом личике, походка чуть вперевадку, побави скрещенные на груди руки, «окающий» говор. Документальная точность рисунка роли заставляет забыть о сыгранном, поверить в реальность живого человека. Но в неповторимости облика заключен образ.

Такие большеглазые, светлоглазые живут в русских деревнях, встают на рассвете, чтобы приняться за дела, обихаживают братьев и сестер. И в Оле, как и в них, есть обостренное чутье правды, готовность принять добро как естественное и необходимое... Вот она как гостеприимная хозяйка потчует соседку (и, вытянув шею, внимательно следит, сколько та намазывает масла). Разговор переходит на Мякишева, и Олино лицо светлеет, ее голос меняется. Она приближается к авансцене, как бы выключаясь из непосредственного действия, и в момент, когда ее застигает брошенная Симой фраза: «Ты по нему не очень-то обмирай», мы видим ее крупным планом — перед нами человек, на которого внезапно обрушилось несчастье. Она долго молчит, так долго, что всполошилась даже толстокожая Сима. Глаза наливается слезами, она мучительно ищет слова, чтобы объяснить, как невозможно соединить с Мякишевым то, что так хорошо известно ей по горькому житейскому опыту. И, не найдя слов, набрасывается на Симу, вырывает у нее изо рта толстенный бутерброд, кричит, протестуя вытаткивая ее из кухни.

Постепенно в радостном ритме, в котором живет Оля, все больше осязается, все внимательнее вглядывается она в Мякишева, Зою, Аню. Не зная

ни о повестке из милиции, ни о бурной деятельности сплетниц, она ощущает по неуловимым приметам возникающее отчуждение. И когда Зоя в раздражении выпроваживает ее из комнаты — некоторое время смотрит исподлобья, молчит и, вдруг поняв, приносит: «Хочите — пойду». За этой чуткостью не кроется особая духовная тонкость — она не свойственна персонажу. У Мазуркевич Олино чутье — это свойственная детям пронзительность. Мякишев «как бог какой» — к нему безраздельное доверие. С Симой держится по-свойски, не церемонясь, отвергает фальшивое тети Сонино участие. Зою, жену Мякишева, понять сложнее. В исполнении Л. Киракосян она не мещанка, не эгоистка. Человек тонкий, сочувливый, она страдает от невозможности преодолеть неприязнь, враждебность, даже ревность. И это как бы проектируется в Олиной душе. Какой точный жест найден Мазуркевич! Вернувшись из командировки, Зоя входит в квартиру. Оля моет пол, но, почувствовав чье-то присутствие, замерла, оглянулась и, вдруг прижав руку к груди, низко поклонилась, застыла на мгновение в приниженной позе, нелепая в своем линиялом платье, с челкой, накрученной на бигуди. Опомившись, они бросаются обниматься, но пауза выдает обеих.

И тем не менее эти тонкие и точные реакции — не единственное, чем убеждает Мазуркевич в закономерности Олиного ухода. Пожалуй, ее Оля уехала бы, не случись унижительной проверки, учиненной Филаретовой, останься отношение к Мякишевым прежним. Она внутренне все время оглядывается на прошлое. Она живет в ее деревенских поклонах, в хозяйской сноровке, в говоре. Порой она грубовата, неотесанна, смешна. Но в памяти о деревне не только боль, обида, но и верность месту, где родилась, братьям и сестрам, тому, как принято было поступать и говорить там. Она не только учится, но и сама учит: «А вот у нас в деревне...». И, не стесняясь, вырывает у Зои папиросу, делая ей выговор. Она входит в эту семью не как сирота, а как равная. Достоинство в ее осанке, свободе движений, прямом взгляде. Мазуркевич подчеркивает основное в характере Оли — неза-

висимость.

Она способна сравнивать и с горечью чувствует, что и здесь, в этой семье, каждый занят своими бедами, что, оказываясь, можно причинить боль, не ударив, не обругав. Когда на пикнике Оля с Сережей повиснут на Мякишеве и Зоя закричит, увидев невольное объятие, Оля отодвинется, замрет и, поняв, почему все отвели глаза, сорвавшись с места, убежит.

В последний раз мы увидим ее уже не в квартире Мякишевых — в милиции, куда она попала, успев «плонуть в рожу» Филаретовой. Упрямо склонив голову, не слушая увещаний милиционера, она не выглядит жалкой, растерянной — скорее, решившейся, выбравшей, и, когда, уловив момент, убегает, мы понимаем — не к Мякишевым, домой.

Есть в режиссерском решении, в способе существования актеров в спектакле элемент игры, откровенной театральной условности. Это и гротескно сыгранные, по-опереточному яркие старухи-сплетницы. И неожиданная А. Фрейндлих — Филаретова. Рисунок роли резкий, выразительный, на грани шаржа, но в нем нет плоскости карикатуры. Прием гротеска, буффонады имеет свой смысл. Он выводит эти персонажи за рамки реальной жизни, представляет их силу мнимой, их деятельное участие в событиях — фикцией.

Мелодия роли Мазуркевич среди других, ярких по своей жанровой природе, тиха и нежна. Она не стремится перекричать их. Ситуация «деревенщина в столице» не становится поводом для увеселения. В ее исполнении нет яркого рисунка, нет своеобразной, бросающейся в глаза манеры, нет исповедальности, героиня для нее не средство для самовыражения. Но из этих «нет» складывается «да». Проникновение в судьбу, внутренняя, личная связь с характером своей героини и составляют особенность игры молодой актрисы.

Оля продолжает жить в Мазуркевич и после того, как поставлена точка. Она выходит на поклоны в своем единственном платье, в котором пришла и в котором ушла из этого дома. Низко кланяется, уже знакомым жестом сжимая на груди платок. И уходит, унося в себе эту жизнь, частицу чужой судьбы.

Н. НИКОЛАЮК,  
Л. ЯКОВЛЕВА